

Даниил Лукич Мордовцев

ЗАМУРОВАННАЯ ЦАРИЦА

Роман из жизни Древнего Египта

I. ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО ФАРАОНА

В стовратных Фивах, в столице фараонов, торжество.

Массы египтян всех возрастов и полов толпятся около гигантского, с причудливыми исполинскими колоннами и пилонами храма Аммона-Горуса. Нил запружен лодками: это народ стремится с заречной, с правобережной стороны Фив переправиться на левобережную, чтобы видеть готовящееся торжество. В воздухе стоит невообразимый гул и говор. Только длинная и широкая аллея сфинксов, ведущая к храму, свободна от толпы, потому что ее оберегают от наплыва любопытных вооруженные длинными копьями «мацаи» — нечто вроде полицейских и сыщиков; гранитные великаны-сфинксы, протянув перед собою львиные лапы, безмолвно глядят своими гранитными очами в неведомое пространство. К людскому говору присоединяются звонкие крики орлов, стаи которых с Ливийских гор постоянно налетают к шумной столице фараонов и спиралями кружатся над нею в голубом, как

бирюза, небе.

— Дедушка! — говорила маленькая, десяти-одиннадцати летняя девочка с бронзовым личиком и курчавой головкой, указывая на резные изображения на пилонах храма. — Кого это бьет по головам вон тот страшный человек?

Девочка обращалась к старику, державшему ее за руку.

— Это, дитя, сам фараон поражает своих врагов, — отвечал старик, глядя курчавую головку девочки, — то, видишь, влево: великий Аммон подает ему боевую секиру.

— А что там, дедушка, написано? — любопытствует девочка.

— А то, дитя, начертаны слова самого бога. Аммон-Горус говорит фараону: «Сын мой, происшедший из чресл моих, ты, которого я люблю, господин двух миров, Рамзес! Я привожу к тебе вождей южных стран с детьми их, сидящими на спинах их...»

— Да, да, дедушка, смотри, вон они на спинах, да все маленькие, — лепетала девочка.

— Такие же, как и ты, дитя, — улыбнулся старик.

— Зачем же бог Аммон привел их к фараону?

— А вот зачем, дитя. Бог говорит фараону: «Пощади жизнь тех, которых ты избереешь из среды их; убей из них столько, сколько ты найдешь

нужным».

— Ах, дедушка! Слышишь музыку?

— Идут! Идут! — пронесся говор по аллее сфинксов. Мацаи торопливо стали приводить народ в порядок, махая копьями.

В конце аллеи сфинксов, противоположном храму, показалась процессия.

Впереди шли ряды музыкантов и хоры певцов. Воздух огласился дикою музыкой барабанов, труб и флейт. Это был военный марш великого Рамзеса-Сезостриса, марш, под ужасную мелодию которого он покорила весь тогдашний мир, залив его реками крови. Музыка сменялась хорами. В этой новой мелодии было что-то еще более ужасное: в ней слышались и рыкание львов, и плач крокодилов Нила, и клекот орлов пустыни.

Так открывалась величественная процессия венчания на царство фараона Рамзеса III, или Рампсинита.

За музыкантами и хорами певчих выступали в богатых одеяниях, блестя золотом и пурпуром, родственники и приближенные фараона с верховными жрецами в полном облачении.

За ними — высоко в воздухе покачивались с метрической плавностью носилки и трон самого фараона, предшествуемые старшим сыном Рамзеса, который сожигал перед царственным отцом благоухания земли Пунт.

Величественно-напыщенная фигура Рамзеса хорошо видна была для всей собравшейся толпы. Украшенный всеми знаками царского сана, он сидел на золотом троне, а голову его осеняли своими крыльями изображения правосудия и истины. Там же, у трона, — золотые фигуры сфинкса и льва — эмблемы мудрости и мужества. Лев, казалось, грозно смотрел на толпу, охраняя трон монарха земли фараонов. Длинные, из красного и черного дерева, носилки, украшенные золотом и драгоценными камнями, покоились на плечах двенадцати «эрисов», или военачальников, которых головы украшены были страусовыми перьями. Носилки и трон окружили прелестные мальчики — дети из жреческой касты, которые несли скипетр фараона, футляр его лука, колчан со стрелами и другие знаки царского достоинства.

Но что особенно поражало зрителей — это громадный лев, который шел рядом с носилками, постоянно поднимая свою косматую голову вверх, чтобы взглянуть на Рамзеса. Это был его любимый, прирученный с детства лев — «Смам Хефту» — «раздиратель врагов», которого вел на золотой цепи маленький внук верховного жреца Аммона, смуглолицый мальчик лет двенадцати. Лев привык к своему маленькому вожатому, играл с ним и позволял даже ездить на себе верхом.

Вокруг всей этой группы — вокруг носилок с

троном, фараоном, вокруг эрисов, жреческих детей и льва — кольцом обвивались сановники, которые своими блестящими опахалами навевали прохладу на своего повелителя, насколько мог дать прохлады знойный воздух тропиков при мертвой тишине, не колеблемой даже ни малейшим дуновением ветерка с Нила.

Вслед за носилками шли восемнадцать царевичей — детей Рамзеса (старший шел впереди носилок, куря благовониями земли Пунт). Они шли по два в ряд. У младших из них, еще не достигших возмужалости, от висков спускались на щеки черные как смоль «локоны юности» — признак принца царской крови.

За царевичами, тоже по два в ряд, выступали начальники войск, а затем уже колонны воинов с луками и колчанами за плечами.

Недалеко от храма, на площади, обведенной полукругом из сфинксов, процессия остановилась. Носилки были поставлены на землю, и Рамзес сошел с трона, поддерживаемый эрисами.

Площадь и толпы народа, казалось, дрогнули от испуга. Они увидели бога!..

Это был белый, как горный снег, молодой бык — Апис. Добродушная морда животного, кроткие, огромные, несколько выпученные глаза, бессмысленно глядевшие на блестящую процессию, — все это как-то не вязалось с

понятием о грозном и всемогущем божестве. Но такова сила человеческой глупости: все — исключая жрецов, и то немногих, — верили, что это — бог, Апис-Озирис. Все упали на колени: кто воздевал руки к божеству, кто распростерся ниц.

Впереди Аписа шел жрец, куря фимиам перед священным животным. Бык шел послушно: он знал, куда его ведут. Богу долго не давали есть, он проголодался, но хорошо знал, что если верховный жрец идет впереди с курильницей, то, значит, — скоро богу дадут кушать. Вслед за Аписом двадцать два жреца несли на драгоценных носилках, в форме паланкина, самую статую божества, Амона Горуса, из чистого медианитского золота, а другие жрецы богатыми опахалами и ветками олеандров в цвету навевали свежесть на это золотое божество.

Рамзес присоединился к этой священной процессии. Возложив на голову один венец — венец «нижней страны», он пошел вслед за Аписом. За ним понесли статую Аммона-Горуса, окруженную жрецами, из которых один громко возглашал предписанные на этот случай молитвы, другие девятнадцать жрецов несли разные священные предметы, а еще семь выступали с небольшими золотыми изображениями предков и предшественников Рамзеса, которые символически, в вещественных образах, принимали участие в торжестве своего дальнейшего потомка.

Миновав пилоны, священная процессия, с быком и фараоном во главе, вступила во внутренний двор храма, с одной стороны обставленный колоссальными колоннами, капители которых украшены полурастопившимися лотосами, с другой — пятью массивными каменными пилястрами, к которым прислонены такие же колоссальные статуи фараонов с атрибутами Озириса.

Но здесь процессия не остановилась. Она прошла этот двор и другие пилоны с изображениями побед Рамзеса и вступила во второй, еще более обширный двор, окруженный галереями с богатыми скульптурными изображениями и статуями царей.

Вступив на этот двор, Рамзес поднял голову. Глаза его остановились на западной галерее, и смуглое лицо фараона просветлело. Оттуда смотрели на него его дочери и жена, царица Тиа. Всех царевен было четырнадцать, из которых иные смотрели еще очень юными: их-то невинные личики и разгладили суровое чело грозного фараона.

Увидев Аписа, царица и царевны благоговейно преклонили колена. Но вот фараон уже в храме, перед жертвенником Аммона-Горуса. Его встречает первенствующий верховный жрец с амфорой помазания и елеем в одной руке и с

двойным венцом в другой. Это венец «верхней и нижней страны» — Верхнего и Нижнего Египта.

Апис, стоящий рядом с фараоном, начинает изъяслять нетерпение, беспокойство. И причина понятна: проголодавшийся бог видит на жертвеннике сноп зеленой, сочной, с налитыми колосьями пшеницы и около снопа — золотой серп. Бык очень хорошо понимает, для чего все это приготовлено: его сейчас будут кормить этой прелестной пшеницей, и глупый, недогадливый бык, словно простой смертный, деревенский бычок, протягивает к снопу свою добродушную морду. Но догадливый, продувной жрец кадит у него под самой мордой благоуханиями, которых бык терпеть не может, и он пятится назад от снопа. Ах, как ему надоели эти куренья! Ничего не поделаешь — надо терпеть, а иначе есть не дадут. И, наученный горьким опытом, бог молчит и только тихим мычанием изъясляет свою волю на венчание Рамзеса **III** венцом обоих Египтов — от моря и Мемфиса до пределов «презренной страны» Куш-Эфиопии. И первенствующий верховный жрец, совершив обряд помазания на царство, умастив голову фараона благовонным елеем, возлагает на него двойной венец.

А Апис все ждет... И когда все это кончится!.. Как противен для него запах этого елея! Как противен дым курений!.. То ли дело зеленая, сочная

пшеница — эти налитые молоком колосья!.. А надо ждать...

После этого венчанный царь совершает возлияние божеству, Аммону-Горусу.

Тогда начинается обряд «четырех птиц». Из внутренней части алтаря, из святилища, недоступного для смертных, выносят четыре золотые клетки со священными птицами — ибисом, кобчиком, вороном и орлом. Верховный жрец поочередно вынимает их из клетки и выпускает на все четыре стороны света — на север, на восток, на юг и на запад: эти птицы, гении бога Озириса, должны поведать во все концы мира, что Рамзес III, следуя примеру Аммона-Горуса, венчался символами его владычества над всей вселенной. Апис все ждет, следя своими добрыми, изумленными глазами за полетом птиц... Зачем это они делают? А затем, чтобы потом дать ему вон те удивительные колосья... Он это хорошо понимал — он хорошо помнит, что то же самое проделывали с ним жрецы, когда несколько лет тому назад венчали на царство фараона Сетнахта-Миамуна... И тогда дали ему вот эти удивительные колосья... А где же девался этот Сетнахт-Миамун?... Бык ничего не понимал — и терпеливо ждал...

Наконец-то!.. Рамзес протягивает руку, берет золотой серп и срезывает полную горсть пшеницы. Жрец с противным куреньем отступает в сторону, и

Рамзес дает Апису порядочную кучку колосьев... Ах, как вкусно!.. С каким наслаждением он жует эту прелесть и снова протягивает свою морду к снопу.

Тогда с верхней галереи сходят царица Тиа с царевнами, и начинается трогательная сцена: юные царственные египтянки обступают Аписа и то благоговейно, с любовью гладят мягкую, шелковистую, чистую шерсть священного животного, то суют ему в рот колосья, а он их жует и жует с наслаждением, поглядывая на девочек своими кроткими глазами.

В это время Аммон-Горус, сопровождаемый половиною жрецов, удаляется в свое святилище ¹.

II. СВЯЩЕННАЯ ДЕВОЧКА

Когда кончился таким образом обряд венчания на царство Рамзеса III, жрецы Аписа двинулись в обратный путь со своим богом, в храм Аписа-Тума, находившийся недалеко от Рамессеума великого Сезостриса. И на этот раз

¹ В изображении обряда венчания Рамзеса автор главным образом придерживался Шампольона и Мариетта-бея. — Здесь и далее примеч. Мордовцем (кроме переводов иностранных текстов).

впереди священного быка шел жрец и на золотом блюде сжигал благовония.

При приближении Аписа к крайним пилонам храма Аммона-Горуса, где была особенно многочисленна толпа зрителей, старик, который в предыдущей главе разъяснял своей маленькой внучке изображения и надписи на пилонах, видимо обнаруживал знаки величайшего волнения. Он прижимал руку к сердцу, как бы стараясь удержать его биения, то поднимал глаза к небу.

Теперь он, при виде Аписа, нагнулся к девочке, как бы затем, чтобы пригладить ее волосы.

— Так все помнишь, дитя? — спросил он шепотом.

— Все помню, дедушка, — отвечала девочка.

— Что ж ты скажешь? — продолжал старик.

— Я скажу про себя: «Великий бог Апис-Тум! Освети мою невинную душу божественным лучом очей твоих; дай мне, чистому ребенку, твою силу для доброго дела», — пролепетала шепотом девочка.

— Хорошо, дитя... Только не забудь взглянуть ему в глаза.

— Не забуду.

Сказав это, девочка, гибкая и тоненькая, как пальмочка, вьюном проскользнула вперед к самым мацаи, охранявшим порядок шествия. Старик лихорадочно следил за ее движениями. При виде

бога толпа снова дрогнула, и кто упал на колени и протягивал руки к божеству, кто распростерся ниц. В этот момент девочка, юркнув мимо мацаи, очутилась как раз пред Аписом и упала на колени, скрестив руки. Черные глаза ее с боязнью уставились в изумленные глаза священного животного. Бык остановился на минуту. Мацаи было бросились к девочке, но жрец, возжигавший курения, остановил их.

— Не отгоняйте детей от лицезрения бога, — сказал он повелительно, — сам великий Аммон принимает невинных детей на свое лоно.

Бог уже нагнул было голову, чтобы бодаться — ему одного маленького снопа было недостаточно — он был еще голоден, как девочка уже юркнула в толпу.

— Она священная... девочка священная теперь, — прошел шепот удивления по толпе.

Все старались взглянуть на нее, подойти ближе, заговорить. Она сама теперь чувствовала, что совершила что-то необыкновенное. Она это видела в глазах других, слышала это в шепоте удивления окружавших ее, замечала это в том благоговейном удивлении, с каким глядели на нее женщины. В ней заговорила бессознательная радость — гордость совершенного подвига. Она, казалось, преобразилась — выросла в один момент, возмужала. Хорошенькое смугленькое личико ее

стало еще прелестнее.

Шествие между тем продолжалось. Апис уже подходил к колоссальным статуям фараона Аменхотепа III, которые до настоящего времени слывут ошибочно под именем колоссов Мемнона.

Фараон Аменхотеп III был царем Египта восемнадцатой династии, около 1680 лет до христианской эры. В Каире, в Булакском музее, можно доселе видеть статую строителя этих колоссов, надпись на которой, между прочим, говорит от лица этого строителя: «Возвысил меня царь Аменхотеп III в звание верховного строителя. Я увековечил имя царя, и никто с древнейших времен не сравнился со мною в работах моих. Для царя создана была гора песчаника — он есть наследник бога Тума (заходящего солнца). Я действовал на основании собственных вычислений, когда под моим руководством высекались из хорошего крепкого камня две статуи в этом великом здании (в храме Аменофиум). Оно подобно небу. Ни один царь не сделал ничего подобного со времени, когда солнечный бог Ра владел страной. Итак, я наблюдал за изваянием этих изображений — его, царя, изображений: они удивительны и по ширине и в высоту, по вертикальному направлению; фигура их в оконченном виде делала ворота храма низкими — сорок локтей мера их... Я приказал построить восемь кораблей. Статуи на них

отвезены и поставлены в его великолепном здании. Они будут вечны, как небо»².

И гениальный скульптор колоссов не ошибся: от стовратных Фив, от храма Аменофиума, от дворцов и храмов Рамзеса Н-Сезостриса и Рамзеса Ш-Рампсинита, от всех богов Египта остались только обломки на месте Фив, обломки камней, мусор да колонны полуразбитые; имя фараона Аменхотепа Ш, чью личность изображали эти колоссы, давно забыто в истории, а колоссы все стоят в грозном величии вот уже почти 4000 лет, и будут еще стоять долго-долго на удивление последующим поколениям...

Старик и девочка между тем затерялись в толпе.

— Кто эта девочка, — спрашивали любопытствующие, — чья она?

— Неизвестно... Слышали только, что старик назвал ее Хену.

— А кто этот старик? Отец ее или дедушка?

— Это знает только бог Хормаху всевидящий³: он освещал своими лучами ее детскую колыбель.

А между тем те, о которых говорили в толпе,

² «История фараонов» Бругш-бея, 393.

³ Хормаху — это Хорус или Горус «в солнечном блеске».

пробирались к берегу Нила, выше Мединет-Абу. В густых тростниках их ожидала небольшая лодочка, которую можно было с трудом отыскать. Но старик, по-видимому, хорошо знаком был с местностью. Он без труда отыскал лодку, привязанную к толстому стволу тростника, отвязал ее и взял лежавшие на дне ее весла.

Девочка с легкостью котенка вскочила в лодку.

— Дедушка, — сказала она, — дай мне одно весло, я буду грести.

— Хорошо, дитя, — с улыбкою отозвался старик, — только ты не сумеешь.

Он оттолкнул лодку и сам в нее вскочил с легкостью юноши. Лодка вышла из тростников и направилась к другому берегу Нила. Девочка гребла усердно, стараясь брать в такт с дедом.

— Отчего же, дедушка, Апис — бог, а другие быки не боги? — спросила она, видимо находясь под впечатлением недавно испытанного.

— Оттого, дитя, что в Аписа вселилась душа АммонаГоруса, — отвечал старик.

— А как же узнать, в какого быка она вселилась?

— Это узнают только святые отцы, дитя... Когда прежний бог Апис, жития которого было двадцать шесть лет, два месяца и один день, отправился в прекрасную страну запада и был

погребен в гробничном подземелье, на покое, при великом боге Озирисе, при Анубисе и при богине подземного мира на западе, в вечном доме своем, то нового бога Аписа долго искали по всему Египту и нашли только в низовьях Нила, и тогда верховный жрец торжественно при всем народе ввел его в храм Пта — отца богов.

— Дедушка! — прервала его рассказ девочка. — А когда ты был начальником стад фараона, в твоих стадах ни разу не появлялся бог Апис?

— Нет, дитя, появлялся, — отвечал старик с дрожью в голосе, — последний Апис, который был перед этим, вырос в моих стадах и родился от моей коровы.

Девочка задумалась, усердно работая веслом.

— А что теперь со мной будет, дедушка? — спросила она вдруг. — Он взглянул мне прямо в глаза... Я чуть не крикнула от страха.

— Тебе богов бояться нечего, ты невинное дитя, — сказал старик.

— Так что ж со мною будет, дедушка? — снова спросила девочка.

— Ты теперь стала священная, ты сподобилась великой милости бога, и теперь все, о чем ты попросишь у отца бога Аписа, у великого Пта, все исполнится.

— А когда я вырасту большая, тогда что со

мною будет?

— Все для тебя будет достижимо, дитя, если ты не утратишь своей святости.

В это время лодка поравнялась с длинной песчаною отмелью, тянувшеюся вдоль Нила до острова. На отмели виднелись какие-то черные колоды, в которых девочка, обитательница берегов Нила, тотчас узнала страшных владык водных пределов священной реки. Это были два огромных крокодила. Они лежали на отмели, разинув свои чудовищные пасти, а в них среди огромных, словно пилы, зубов безбоязненно возились какие-то маленькие птички: это были знаменитые «трохилосы», о которых говорит Геродот. Маленькие птички эти — друзья крокодилов. Когда нильские чудовища выходят из реки на берег, большей частью на илистые и песчаные отмели, и отдыхают, раскрыв пасти для того, чтобы ветерок освежал их, то трохилосы забираются к ним в пасти и, ничего не боясь, отыскивают и поедают там разных паразитов, вроде пиявок и водяных жучков, которые беспокоят крокодилов. Чудовищам это и нравится, и они щадят своих маленьких благодетелей, тем более что трохилосы криком своим пробуждают спящих крокодилов, предупреждая их об опасности.

— Смотри, дедушка, вон крокодилы спят, — сказала девочка, увидав чудовищ, — вон и птички у

них во рту бегают и не боятся.

— Что же им, дитя, бояться? Они для крокодилов то же, что ты для меня, их утеха, — заметил старик.

— А говорят, крокодил тоже бог. Да, дедушка?

— Да, дитя, только у нас ему не ставят храмов. А в Нижнем Египте, в земле Таше, крокодилы имеют свои храмы: в крокодиле обитает божество Сет (Тифон), страшное, разрушительное божество.

— А недавно, вон у того берега, крокодил утащил одну девочку, я сама видела.

— Она, должно быть, близко подошла к берегу?

— Да, дедушка, она водила на водопой осла и стояла у самой воды, а крокодил как ударит ее хвостом — мы и не заметили, как он показался из воды, — девочка упала в воду, он и утащил ее... А мы играли дальше от берега.

Но вот и берег. Тени от гигантских пальм, стоявших недалеко от Нила, ложившиеся утром длинными полосами поперек реки, теперь укоротились так, что казалось, гигантские деревья потеряли способность бросать тень, и только зонтикообразные вершины их несколько оттеняли раскаленную землю у стволов исполинов африканской растительности.

В то время, когда старик и девочка выходили на восточный берег Нила, в западной части Фив, за Нилом, во дворце Рамзеса, в помещении, занимаемом старшим его сыном, принцем Пентауром, происходил таинственный разговор между этим царевичем и его матерью, царицей Тиа.

— Ты слышала, матушка, что он на завтра объявил поход против презренной страны Либу, — сказал Пентаур, сердито сжимая рукоять меча.

Это был египтянин с типичными чертами фараонов: широкий, низкий, как у льва, лоб, подвижность пантеры, стройность и подвижность членов этого животного, широкие ноздри и мясистые, как у негра, губы обнаруживали пламенный темперамент. Пентауру было уже лет под тридцать.

— Да, — тихо отвечала его мать, женщина лет под сорок, смуглая, с продолговатыми, как у сфинкса, глазами, — я слышала, сын мой.

— И знаешь, кого берет с собой в поход?

— Конечно, сын мой, тебя: ты его преемник.

— Нет! Он берет мальчишку Ментухи — начальником конницы и колесниц, а Рамессу — начальником пехоты.

— Да, я знаю — это его любимцы, — тихо, как бы про себя, проговорила Тиа, поправляя на голове золотой обруч с изображением змея «уреус» (царский змей).

— А Меритума торжественно объявил великим жрецом Ра, бога солнца, в Уакоте (Гелиополис), а Хамуса — великим жрецом бога Пта-Сокара (Озирис) в Мемфисе, — продолжал Пентаур еще с большим раздражением.

— А тебя, сын мой, кем он назначает? — чуть слышно спросила царица.

— Меня — бабой! Я, как женщина, должен оставаться дома и принимать подати дуррой и полбой и ссыпать их в магазины. Так не быть же этому! Я велю Бокакамону принимать, а сам уеду охотиться на львов пустыни.

— Не волнуйся, сын мой, — все так же тихо заметила ему Тиа, — за нас с тобой, и в особенности за меня, за женщину, — великая богиня Сохет, мать богов! Мы еще посмотрим, сын мой, что скажет ее супруг, великий Пта, отец богов.

III. НАЧАЛО ЗАГОВОРА

Вечером этого же дня царица Тиа, возвратясь в отделение женских палат фараона, велела приближенной рабыне, сняв с нее некоторые украшения, обычные при торжественных выходах, подать и надеть более легкие ткани.

Накинув на госпожу короткую без рукавов белую тунику из тонкого финикийского виссона, рабыня поправила ей прическу, обвила низкий лоб

царицы золотым обручем со змеем-уреусом, надела на шею массивную золотую цепь со священными жуками и на руки драгоценные браслеты, когда в дверях показалась хорошенькая, завитая прядями головка с ясными глазками.

— А! Это ты, Снат? — ласково сказала царица. — Нитокрис?

— Я, мама! Посмотри, что мне подарил великий жрец Аммон-Мерибаст! Какая прелесть!

Это говорила молоденькая, тринадцатилетняя царевна, одна из четырнадцати дочерей Рамзеса III, хорошенькая Нитокрис, названная так в честь царицы Нитокрис, знаменитой красавицы «с розами на ланитах», которая царствовала за 3000 лет до нашей эры и которой приписывают третью из больших пирамид на «поле мертвых» в Мемфисе.

— Золотой кобчик, — сказала Тиа, рассматривая подарок великого жреца с ласковой улыбкой, — это добрый знак, дитя мое.

— Да, мама, от святого отца — все доброе, — серьезно сказала юная дочь фараона.

— Это правда, милая Нитокрис, но кобчик от служителя бога Аммона — это знамение.

— Какое же, милая мама?

— А такое, плутовка, что ты скоро, подобно этому кобчику, улетишь от нас.

— Как, мама? Куда я улечу? — недоумевала хорошенькая Нитокрис.

— А разве ты не знаешь, какой удел предназначен всякой женщине матерью богов, великою Сохет, супругою Пта?

— Не знаю, мама.

— Быть сосудом на жертвеннике божества, дающего жизнь, творящего, созидающего.

Юная дочь фараона все еще не понимала намеков матери.

— Тебе уже тринадцать лет, — продолжала Тиа, — а я тринадцати лет была уже матерью Пентаура.

— Ах, мама! Я не хочу замуж! — вспыхнула Нитокрис. Но в это время вошел евнух царицы и поклонился до земли.

— Ты что, Сагарта? — спросила Тиа.

— Господин женских палат Бокакамон желает лицезреть твою ясность, — отвечал евнух.

— Пусть войдет Бокакамон, — сказала царица. Евнух почтительно удалился.

— Поди и ты к себе, милая Нитокрис, — сказала Тиа дочери, — мне нужно поговорить с Бокакамоном о делах дома нашего.

Нитокрис горячо поцеловала мать.

— А все-таки я не улечу от тебя, как не может улететь этот золотой кобчик, — сказала она, уходя из помещения царицы.

В это время вошел тот, о ком докладывал евнух. Это был мужчина лет шестидесяти, бодрый и

прямой, как юноша, с седыми волосами и совсем черными бровями. На смуглой шее его была золотая цепь с тремя рубиновыми пчелами на ней, подарок предместника Рамзеса III, фараона Сетнахта. Бокакамон, так звали вошедшего вельможу, был начальником женских палат фараона, «недремлющим оком» царя, «стражем сада наслаждений» своего повелителя.

— Великая Сохет да хранит вечно красоту твоей ясности, рассыпая розы на твои ланиты, — высокопарно приветствовал свою госпожу Бокакамон, подобострастно кланяясь и прижимая черную и жилистую руку к сердцу.

— Пусть Горус из светового круга вечно освещает твои прекрасные седины, — с тою же напыщенной любезностью отвечала царица. — Сядь на место свое.

Бокакамон сел против Тии и молчал из уважения к своей повелительнице. Жена фараона огляделась кругом.

— Ты знаешь, что объявлен поход против презренной страны Либу (Ливия)? — сказала она тихо.

— Знаю, царица: презренные либу под начальством царей своих, Цамара и Цаутмара, — да поразит бог Монту дерзких своим огненным мечом — наступают на границы Египта, и великий Рамзес — да хранит его великий Ра! — хочет поразить их

своим гневом.

— А знаешь, кого он назначил военачальниками?

— Это ведомо, великая царица, на всех стогнах стовратных Фив.

— А Пентаур, мой первенец? Он оскорблен публично!.. Я оскорблена в его лице! — со страстным жестом прошептала Тиа. — И ты, мой верный Боакамон, я знаю, давно носишь скорпиона в своем сердце — ты оскорблен раньше меня: это ведомо же только Фивам, но всему Египту.

Как ни было смугло лицо Боакамона, но и оно заметно покрылось бледностью.

— Да, скорпион тут, в сердце, — прижал он руку к груди. Тиа придвинула к нему ближе свое легкое из красного дерева седалище, окованное золотом, и положила руку на плечо Боакамона. От этого прикосновения он весь вздрогнул.

— Ты знаешь, я всегда была к тебе благосклонна, — чуть слышным шепотом начала Тиа, — но моя рука никогда не касалась твоего плеча... Теперь моя рука на тебе... Я знаю твое сердце... Твои глаза давно мне это сказали... Если ты поможешь мне в задуманном мною, тогда... ты положишь руки на мои плечи... Я...

Как ни был выдержан в притворстве этот старый царедворец фараонов, но и он растерялся от

такой неожиданности. Он не знал, что делалось в сердце Тии. Он знал одно, что в ней оскорблена царица-мать. Но он не знал, что сердце женщины сложнее и неуловимее сердца мужчины. Если бы он мог теперь проникнуть в сердце Тии, то увидел бы, что вместо скорпиона там сидит и жалит большее, чем сто скорпионов, хорошенькое личико с типом хеттеянки... Этот скорпион — Изе, ласкательное слово от Изиды, юная дочь хеттеянского царя, семитка с дальнего востока. Эта со светло-каштановыми волосами Изиды, годная во внучки фараону, вытеснила Тиу из его сердца. Он брал теперь ее с собою в поход — эту юную семитку — вместе с тремя старшими дочерьми (что было тогда в обычае) ⁴, а старшего сына оставлял в Фивах, словно слабую женщину. Она, Тиа, очень хорошо понимала, почему фараон не брал с собой Пентаур а: эта светло-каштановая Изиды чаще и охотнее засматривалась на сына, чем на отца.

Ни о чем этом не догадывался ошеломленный Бокакамон. Он только чувствовал на своем плече горячую руку Тии, и у него закружилась голова... Эта Тиа, которую он видел каждый день, как страж гарема Рамзеса, давно не давала ему спать. Ее

⁴ Доселе можно видеть изображения битв, где дочери фараонов, на колесницах, лично участвуют в битвах.

красота была источником его тайных страданий... И вдруг эта гордая царица, это божество!.. Что она сказала!

Бокакамон выпрямился.

— Великий Аммон свидетель, — сказал он задыхающимся голосом, — если ты повелишь мне низвергнуть колоссальные изображения Аменхотепа, я найду в себе достаточно силы, чтобы опрокинуть их ниц к твоим стопам!

— Нет, милый Бокакамон, — с ласковой улыбкой прошептала жена фараона, — он легче изображений Аменхотепа, и мы с тобой опрокинем его... Ты знаешь Пенхи, бывшего смотрителя стад фараона?

— Знаю, царица.

— А слышал ты, что его внука, маленькая Хену, сегодня, во время священного шествия бога Аписа, удостоилась получить от него божественный огонь?

— Да, великая царица, мне говорили, что какая-то девочка остановила священное шествие бога, и Апис принял ее просьбу. Так эта девочка — внука Пенхи?

— Его внука, Хену... А у Пенхи — ты сам знаешь — тоже скорпион в сердце.

— Я знаю это, царица; я знаю больше, у него крокодил в сердце.

Тиа взяла Бокакамона за руку и посадила на

прежнее место.

— Слушай же, мой верный друг, — продолжала она шепотом, — страшная опасность грозит нам, всему Египту и нашим бессмертным богам. Ты знаешь хеттеянку Изиду, для которой отведено особое помещение во дворце?

— Знаю, царица: она, как и все женщины дворца фараона, в моем ведении.

— Знай же и следующее: она, этот светлоликий хамелеон, не верит в наших богов. Она поклоняется «единому солнечному дискуй Мне достали ее молитву к этому богу — вот она.

Тиа нажала пружинку в ручке своего сиденья и из потайного ящика достала небольшой клочок папируса.

— Вот ее молитва, — сказала она, развернув папирус. — «Солнечный диск, о ты, живой бог! Нет другого, кроме тебя!» Понимаешь — «нет другого»!

— Понимаю, царица.

— Слушай же: «Лучами своими, — продолжала она читать, — ты делаешь здоровыми глаза, творец всех существ! Восходишь ли ты в восточном световом кругу неба, чтобы изливать жизнь всему, что ты сотворил, — людям, четвероногим, птицам и всем родам пресмыкающихся на земле, где они живут, они смотрят на тебя: когда ты заходишь — они все

засыпают»⁵. Такова ее вера. Но это бы еще ничего. А вот что ужасно, вот где гибель для Египта и его богов: она, этот светлоликий хамелеон с дальнего востока, склоняет к своей вере того, о ком мы говорим, не называя его по имени... Она — семя того народа, который страшен для Египта: этого народа не мог осилить даже великий Рамзес-Сезострис.

— Да, это потомки Иосифа, который когда-то правил Египтом, и того страшного Моше, который поразил Египет голодом, язвами и песьими мухами, — подтвердил Бокакамон. — Дело это серьезное: в нашей стране могут повториться времена проклятого фараона Хунатена, который променял истинных богов на этот «блеск солнечного диска». Что же мы должны предпринять, чтобы отвратить бедствие от страны?

— Надо прибегнуть к помощи богов, — отвечала Тиа. — Спросим великую мать богов — ясноликую Сохет.

— Да будет так, — торжественно проговорил Бокакамон, — я завтра же переговорю с почтенным Ири, великим жрецом богини Сохет: пусть он спросит богиню, и ответ ее я тотчас доложу твоей

⁵ Эта молитва приводится у Бругша-бея («История фараонов», 411).

ясности.

— О, Хунатен, Хунатен! — проговорила как бы про себя Тиа. — Да сохранят боги Египет от повторения времен Хунатена.

Хунатен был одним из фараонов восемнадцатой династии египетских царей. Он представлял собою необыкновенное явление во всей истории страны фараонов. Сын знаменитого фараона Аменхотепа III, колоссальные статуи которого, известные под именем колоссов Мемнона, до сих пор стоят на развалинах Фив как бы стражами развалин великого города и дивными реликвиями, как и пирамиды, великого народа. Хунатен является чем-то загадочным в истории Египта, каким-то сфинксом-фараоном. Историки думают объяснить это тем, что он родился от матери не египтянки, которая исповедовала веру в «единого бога»: это был единый «световой» бог. Мать Хунатена была не царской крови, даже не была дочерью кого-либо из родственников фараонов. По-видимому, она происходила от того народа, который вместе со своим вождем и пророком Моисеем оставил Египет при таких потрясающих событиях.

В доме этой-то чужеземной матери — говорит историк фараонов — молодой наследник Аменхотепа III, любимый отцом, хотя уже тогда ненавидимый жрецами, как плод незаконного

брака, воспринял учение о едином световом боге и, проникнувшись этим учением в юности, сделался горячим его приверженцем, когда достиг возмужалости. Хунатен, сделавшись владыкой Египта, приказал на всех памятниках фараонов, с помощью резца и молота, истребить, изгладить, выбить совсем имена бога Аммона и его супруги, богини Мут. Жрецы, а за ними и народ открыто восстали против царя-святотатца. Тогда Хунатен бросил столицу праотцев и основал новую резиденцию вдали от Фив и Мемфиса, на восточной стороне Нила, и назвал ее своим именем — «город Хунатен» (то же сделал впоследствии, почти через 4000 лет, далеко от Египта, почти на крайнем севере, другой великий царь, бросив старую столицу с ее старыми жрецами и основав вдали от нее город своего имени). Скульпторы-художники, каменщики, простые рабочие были согнаны со всего Египта, чтобы с величайшею поспешностью строить новый храм, по начертанному самим Хунатеном плану, и огневые жертвенники в честь бога-солнца, храм, совершенно непохожий на древние египетские храмы. Сановники же — «носители опахала» — и гордые жрецы должны были надзирать за ломкою камня в горах и нагрузкою его на суда. Это ли не унижение, это ли не насмешка над вековыми преданиями Египта.

Вот имя этого-то Хунатена и стало

страшилищем во все последующие века истории земли фараонов. Его-то и упомянула теперь Тиа, воскликнув: «О, Хунатен, Хунатен!»

IV. У БОГИНИ СОХЕТ

На другой день Рамзес III с отборным войском выступил в поход против царей Либу, как называлась тогда Ливия, — против Цамара и Цаутмара. Похода этого давно ожидали в Фивах, и войска выступили по первому же слову нового фараона.

Рамзес выступил из своей столицы северными воротами, окруженный военачальниками. Рядом с ним на таких же золоченых, как и у отца, колесницах ехали его два сына и три дочери в военных доспехах. С ними же была и светлокаштановая хеттеянка Изида, облеченная в панцирь и шлем. Ручной лев — Смам-Хефту — выступал у левого колеса колесницы фараона. Дикая музыка труб и барабанов потрясала воздух.

Когда последние звуки боевой музыки смолкли в отдалении, у пилонов храма богини Сохет показалась знакомая нам стройная фигура Бокакамона.

— А! Сама богиня посылает мне навстречу своего служителя, — воскликнул он, увидев показавшегося в воротах храма жреца.

— А! — в свою очередь воскликнул старый тучный служитель богини Сохет. — Страж тайных наслаждений фараона! Добро пожаловать — богиня ждет тебя. О себе пришел просить или о вверенных тебе сокровищах, которые и, не похищая, можно похитить у их владыки? — спросил жрец с лукавой улыбкой.

— Не о себе, а обо всей земле египетской, — отвечал Бокакамон.

Жрец сделал большие глаза. Плутоватое лицо его продолжало улыбаться.

— Обо всей египетской земле! — притворно удивился он. — Разве ты думаешь, что ее, как и твоих красавиц, не похищая, могут похитить презренные цари Цамар и Цаутмар?

— Нет, хуже того... Ее может похитить тот, кто ею владеет, — загадочно отвечал Бокакамон.

— Как! У себя самого похитить!

— Не у самого себя, а у других.

— Великая богиня Сохет, мать богов! — патетически воскликнул жрец. — Вразуми слугу твоего. Я ничего не понимаю: то, чем я владею, я похищаю у себя — не понимаю!

— Похитить у вас, — почти шепотом сказал Бокакамон.

— У нас! У жрецов богини Сохет?

— И у вас, и у богини Сохет, и у всех богов египетских.

— Как это так? — развел руками жрец. — Мы поменялись ролями? Прежде боги нашими устами вещали смертным свою волю, а теперь оракул Аммона и богини Сохет, кажется, переселился в храм тайных наслаждений фараона?

— Да, я пришел к тебе от царицы, — еще тише сказал Бокакамон.

— От которой? — с прежней иронией спросил жрец.

— У нас одна царица, — отвечал Бокакамон.

— И у нас одна, — по-прежнему загадочно говорил жрец, — только, может быть, у вашей не то имя, что у нашей.

— Имя нашей — царица Тиа.

— Гм... Послушай, друг Бокакамон (жрец понизил голос), у меня есть две пары сандалий; одна пара — вот эта, что ты видишь у меня на ногах; другая пара с протертыми подошвами валяется под моим ложем, в пыли, в забвении, и, когда я говорю своему рабу: «Поддай мои сандалии», раб подает мне вот эти... Понимаешь?...

— Понимаю, — начал догадываться Бокакамон.

— Так войдем лучше в мою келью, — сказал жрец, взяв Бокакамона за руку, — а то здесь неудобно говорить о сандалиях...

Они прошли во внутренний двор, где на гранитном пьедестале покоилось сидящее

изображение богини Сохет — женщина с головою льва, украшенная солнечным диском. И жрец, и Бокакамон преклонились перед статуей богини.

— Великая мать богов все мне поведала, — таинственно сказал жрец.

Они вошли в келью жреца. Это была обширная комната, в которую свет проникал сквозь отверстия в потолке, затянутые прозрачным, как стекло, сплавом из белого финикийского песка, в виде дани получаемого ежегодно от царей Цаги (часть прибрежной Финикии). На столиках из гранита и на пьедесталах стояли золотые и серебряные изображения богов, сковородки для курений в храме, жертвенные блюда и систры — род металлических трещоток, употреблявшихся при богослужениях.

— Я знаю больше, чем «та», которая прислала тебя ко мне, — сказал жрец, усаживая своего гостя. — Великая богиня все мне открыла... Тот, кто хочет похитить у нас Египет, идет оттуда, с той стороны света, где встает Горус. Он забыл благодеяния Египта и его богов. Когда, по исходе из нашей священной земли, он сорок лет скитался в пустыне, оставленный нашими богами, то отчаяние заставило его вспомнить о них, вспомнить о священном Алисе. Но в их стадах Апис не появлялся, — и тогда они сделали себе золотого Алиса и поклонялись ему. А теперь, вероятно, и его

забыли, своего бога нашли, какого-то «единого».

Жрец говорил порывисто, страстно. Куда девалась его скептическая улыбка! Старое лицо оживилось, глаза блестели.

— Они называют себя единственным «народом божьим» и забывают, как их поражали фараоны, — продолжал жрец. — А теперь они подослали нам красивого хамелеона, который ослепил очи «того», кого я не хочу называть по имени. И этот хамелеон уже превратился в ихневмона, который хочет пожрать яйца великого нильского крокодила. Но великая Сохет не допустит до этого, не допустит! Это говорит ее устами ее верховный жрец Ири!

Бокакамон был поражен. Он не ожидал такой страстности от ожиревшего, по-видимому, жреца. В последние годы он видел Ири только при богослужениях и торжественных процессиях, когда лица жрецов бывают непроницаемы и бесстрастны, как лица сфинксов.

— Ты знаешь Пенхи, бывшего смотрителя стад фараона? — спросил он, когда жрец умолк.

— Я ли не знаю его! — с прежней страстностью воскликнул Ири. — А ты знаешь его внуку, маленькую Хену?

— Слышал о ней... Говорят, что она удостоилась получить из очей великого бога Аписа божественный огонь?

— Да, получила, — отвечал жрец. — Но этого мало.

— Как мало, святой отец! — удивился Бокакамон.

— Это еще не все, что нужно для дела... Что нам нужно?

— Спасти Египет от врага.

— А кто его враг?

— Ты сам знаешь, святой отец, — уклончиво отвечал старый царедворец. — Имени «его» я не назову.

— Имя «его» — нильский крокодил, живущий на суше, я уже назвал «его».

— Так что нам нужно, чтобы... сделать «его» зубы безвредными?

— Нам нужна та девочка — Хену.

— Но она наша: у ее Деда Пенхи и у Бокакамона — одно сердце, и в том сердце сидит скорпион.

— Крокодил! — поправил его жрец.

Бокакамон вздрогнул. Неужели этот страшный служитель Сохет слышал его разговор с царицей Тиа? Или эту тайну сообщила ему сама богиня? Ведь вчера Бокакамон прямо сказал жене фараона, что у Пенхи в сердце крокодил.

Хитрый жрец заметил смущение своего собеседника.

— Не бойся, — сказал он, — крокодил и у

меня в сердце... Я сказал не все: божественная девочка вооружена только огнем очей Аписа; но это не все.

— Чего же ей недостает? — спросил Бокакамон.

— Апис дал ей свое творческое семя, но не дал поля, где посеять это семя, чтобы оно дало плод, — загадочно отвечал жрец.

— Кто же может дать это поле?

— Великая богиня Сохет: она, которая родила всех богов, даст это поле, даст сосуд для оплодотворения семени бога Алиса. Ты знаешь, где живет Пенхи? — спросил жрец.

— Знаю, святой отец: на восточном берегу Нила, за верхней группой пальм Аммона.

— Пришли же его ко мне, но только не теперь.

— Когда же, святой отец?

— Когда золотые рога месяца обратятся от запада к востоку.

— Теперь, по ночам, на небе стоит полная темь, — как бы соображая что-то, проговорил Бокакамон. — Дней через семь?

— Он сам это сообразит, — Пенхи человек сведущий в небесных кругах.

— Что же мне теперь сказать пославшей меня? — спросил Бокакамон.

— А то, что я тебе сказал от имени богини

Сохет.

— Хвала ее жрецу, великому Ири! — сказал Бокакамон.

— Да, — как бы спохватился жрец, — не забудь, Пенхи должен прийти с божественной, священной девочкой.

V. ПОБЕДА

Прошло семь дней.

В стовратных Фивах снова такое же оживление, какое было в день венчания на царство Рамзеса III. Народ снова толпился у храма Аммона-Горуса. Музыка играла торжественный марш. Из храма показалось несомое жрецами изображение божества. Впереди шел верховный жрец Аммон-Мерибаст, держа в руках сверток папируса.

По знаку жреца музыка стихла. Тогда Аммон-Мерибаст показал народу папирус.

— Смотрите! — громко провозгласил он, — Вот слово великого фараона: он извещает свой народ о дарованной ему богом Монту (бог войны) победе над презренными царями земли Либу.

Радостные клики огласили воздух.

— Слава великому богу Монту! Слава пресветлому Аммону-Горусу!

Верховный жрец снова поднял над головой

папирус.

— Слушайте, сыны земли фараонов! — громко сказал он и развернул свиток.

Водворилась тишина. Слышен был только клекот орлов в синем небе.

Верховный жрец читал: «В месяце епифи, в 9-й день, в первый год царствования царя Рамзеса III, выступил фараон с войском в презренную землю Либу, против презренных царей Цамара и Цаутмара. Хорошая охрана над фараоном находилась в стане на высоте к югу от города Тхамху злого. Вышел фараон из своей палатки, как только вошло солнце, и возложил на себя военный убор отца своего, бога Монту. С ним были и сыновья его, принцы Рамессу и Ментухи, и дочери его, принцессы Нофрура, Ташера и Аида. Вошел на воинские колесницы, они пошли далее вниз и прибыли к югу от города Тхамху злого. И встретились фараону два презренных либу и говорили фараону так: мы братья и принадлежим к старшинам племени своего Либу, которое находится под властью царей Цамара и Цаутмара; мы хотим быть слугами дому фараонову, дабы могли отделиться от царей Цамара и Цаутмара. Теперь сидят они к северу от города Тхамху злого, ибо они боятся фараона. Так говорили два презренных либу; но слова, которые они говорили фараону, была гнусная ложь: презренные цари

Цамар и Цаутмар подослали их, чтоб выведать, где находится фараон, дабы не приготовило им войско фараоново засады. Ибо презренные цари Цамар и Цаутмар пришли со всеми царями всех народов, с конями и всадниками, которые и стояли в засаде сзади города Тхамху злого. И фараон не уразумел смысла их ложных слов и поверил им. И пошел фараон далее вниз и пришел в местность, лежащую на северо-запад от Тхамху злого, где и предался отдохновению на золотом ложе. Тогда прибыли соглядатаи фараона и привели с собой двух лазутчиков царей Цамара и Цаутмара. Когда их привели пред фараона, он сказал им: кто вы такие? Они сказали: мы принадлежали царям Цамару и Цаутмару, которые послали нас, чтобы высмотреть, где находится фараон. Говорит к ним фараон: где пребывают презренные цари Цамар и Цаутмар? Ибо я слышал, что они находятся к северу от города Тхамху злого. Они говорят: смотри — презренные цари Цамар и Цаутмар стоят тут, и много народу с ними, который они привели с собою в великом количестве из всех стран, что лежат во владениях презренных царей Цамара и Цаутмара. У них много всадников и коней, которые везут воинские снаряды, и их более чем песку морского. Смотри — они стоят там, в засаде, позади города Тхамху дурного. Тогда приказал фараон призвать пред себя князей своих, чтобы они слышали все слова,

которые сказали два лазутчика презренной земли Либу, находившиеся налицо. И говорит к ним фараон: взирайте на мудрость князей дома фараонова! Каждый день они говорили фараону: презренные цари Цамар и Цаутмар бежали от лица фараона, как только услышали, что идет на них фараон с войском. Теперь слушайте, что я узнал сейчас от этих двух лазутчиков. Презренные цари Цамар и Цаутмар прибыли со многими народами, с конями и всадниками, многочисленными, как песок пустыни. Они стоят там, за городом Тхамху злым. Значит — ничего не знали наместники и князья, которые правят землями дома фараонов. Им надлежало сказать: те, которых ты ищешь, пришли. Тогда говорили князья, бывшие пред фараоном, так: велика вина, которую совершили наместники и князья дома фараонова, что не распорядились выведать, где находились презренные цари Цамар и Цаутмар, чтобы каждый день докладывать о том фараону. И когда они говорили это, показались несметные полчища презренных царей Цамара и Цаутмара с конями и всадниками. И когда увидел их фараон, то пришел в великую ярость и сделался подобен отцу своему, богу Монту. Он возложил на себя воинский убор, все свои воинские доспехи и явился, как бог Ваал. И вступил он на колесницу свою, и ускорил быстрый бег свой рядом со львом своим Смам-Хефту, который радостно ревел,

потрясая гривой. И вместе с фараоном ринулись на врагов сыны его и дочери его на своих колесницах, в воинских доспехах своих. Фараон бросился в середину неприятельских полчищ и поражал и убивал их. Ибо радость его есть принять битву и наслаждение его — броситься в нее. Удовольствие его сердцу доставляют только потоки крови, когда он срубает головы неприятелям. Минута битвы с мужами любезнее ему, чем день наслаждения с женщинами. Он разом убивал их и никого не щадил между ними. Все они плавали в крови своей. А в то время презренные цари Цамар и Цаутмар стояли полные страха; мужество покинуло их. Они бежали скорым бегством и оставили свои сандалии, свои луки, свои колчаны впопыхах позади себя и все, что при них было. Они, в теле которых не было трусости, и тело которых оживлялось мужественным духом, они бежали, как женщины. Тогда взяли воины фараона все, что оставили презренные цари Цамар и Цаутмар, — их деньги, их серебро, их золото, их железную утварь, уборы их жен, их седалища, их луки, их оружие и все, что было у них. Все это принесено было к палатке фараона вместе с пленными. Многое множество погибло презренных либу и их союзников».

При последнем слове верховный жрец поднял глаза к небу. Из этой необычайно ярко-синей бездны глядел на него сам Аммон-Ра — знойное

африканское солнце. Оно обливало своим невыносимо жгучим светом нестройную толпу, собравшуюся у храма верховного бога, гигантские гранитные колонны других храмов, целый лес колонн, целые аллеи молчаливых сфинксов, стройные иглы обелисков, исполинские статуи фараонов, группы таких же исполинских пальм, тихие мутные воды Нила, а там, дальше, — ливийские скалы с гробницами прежних фараонов... Величавая картина, как величаво все прошлое Египта — этой заколдованной страны! Аммон-Мерибаст, видимо, проникся той же мыслью. Со священным волнением он глядел и на этот лес колонн, и на аллеи задумчивых полногрудых женщин-львов, и на возносившиеся к небу, к самому Аммону-Ра, обелиски... Папирус в руке его дрожал.

Народ молча ждал, что будет дальше. Все то ужасное и отвратительное, что было ему прочитано верховным жрецом, — эти потоки крови, отрезанные руки — не смущали его; напротив — радовали его национальную гордость... Ведь это было еще тогда, когда не было даже Рима, когда еще не влачили по земле труп Патрокла, когда жива была Гекуба, когда еще Гектор не прощался с Андромахой и Троя стояла во всей своей красе... Чего же было тогда требовать от народа!

Аммон-Мерибаст видел это по лицам

слушателей: они ждали еще чего-то. И он не обманул их ожидания. Он снова перенес свой взор на папирус.

«А это трофеи победы великого фараона над презренною странюю Либу и ее презренными союзниками, — продолжал читать верховный жрец, — живых пленных — 9364. Жен презренных царей Цамара и Цаутмара, которых они привели с собой, живых женщин — 12. Юношей — 152. Мальчиков — 131. Жен воинов — 342. Девиц — 65. Девочек — 151. Другая добыча: оружия, находившегося в руках или отнятого у пленных, — медных мечей — 9111. Других мечей и кинжалов — 120 214. Парных колесниц, возивших презренных царей Цамара и Цаутмара, их детей и братьев — 113. Серебряных кружек для питья, мечей, медной брони, кинжалов, колчанов, луков, копий и другой утвари — 3173 штуки. Все это отдано в награду воинам фараона. Затем огонь был пущен на лагерь презренных царей, на все их кожаные шатры и на все их узлы (вьюки?)».

Жрец кончил и, обратясь к изображению божества, поднял руки.

— Слава светоносному Аммону-Горусу! — воскликнул он. — Слава великому богу Монту, даровавшему победу своему сыну, фараону!

— Слава Аммону-Горусу! — подхватил народ. — Слава Монту!

Казалось, заговорили колоннады храмов, гигантские пилоны, гордые обелиски. Только сфинксы глядели молчаливо и загадочно своими гранитными очами.

Поддерживаемое жрецами изображение божества скрылось за колоннами храма.

— Где же богиня Сохет? — спросила знакомая нам «священная» девочка Хену своего деда, по-видимому не разлучавшегося со своей маленькой внучкой.

— Ее здесь нет, дитя, она в своем храме, — отвечал старик.

— Когда же мы к ней пойдем?

— Когда Горус скроется за горами Либу, в пустыне, а за ним будут наблюдать с неба два рога нарождающейся луны.

— А кто эта луна, дедушка? Божество?

— Божество, дитя.

— Ах, дедушка! Сколько он убил людей!

— Кто убил, дитя? — спросил старик, видимо занятый своими мыслями.

— Да фараон, дедушка, что вот читал жрец.

— Много, дитя, всего 12 535 человек ^б.

— А я сегодня ночью, дедушка, слышала плач крокодила. О чем он плачет? — продолжала

^б Бругш-бей («История фараонов», 566).